

Научная статья
УДК 81

**АНГЛОСАКСОНСКАЯ КАРТИНА МИРА РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ:
ОТ ГЕРОИЧЕСКОГО МИРООЩУЩЕНИЯ К ХРИСТИАНСКОМУ
(НА МАТЕРИАЛЕ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОЙ ПОЭМЫ «ЮЛИАНА»)**

Юлия Сергеевна Григорьева

кандидат филологических наук, доцент, Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток, Россия, grigoreva.yus@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3462-5207>

Аннотация. В настоящей статье представлен анализ языкового материала древнеанглийской поэмы «Юлиана» Кюневульфа с целью выявить эволюцию содержания фрагмента англосаксонской картины мира, находящего отражение в данной поэме. В тексте присутствуют многочисленные лексические единицы, обозначающие войну, битву, оружие, воинов, упоминаются императивы героической эпохи (кровная месть, сражение ради славы, раздача сокровищ конунгом). Вместе с тем в поэме присутствуют лексические единицы, отражающие христианскую картину мира. Особого внимания заслуживают двусоставные наименования Бога, которые могут содержать как исключительно христианские представления, так и сплав языческих и христианских представлений. В повествовании о христианской святой мученице автор опирается на ценности, характерные для героической картины мира англосаксов древнеанглийского периода, что означает постепенное включение идеалов прежней эпохи в новый христианский контекст.

Ключевые слова: картина мира, древнеанглийская поэзия, христианская картина мира, героическая картина мира.

Для цитирования: Григорьева Ю.С. Англосаксонская картина мира раннего средневековья: от героического мироощущения к христианскому (на материале древнеанглийской поэмы «Юлиана» // Дальневосточный филологический журнал. 2023. Т. 1, № 1. С. 69–77.

Original article

**THE ANGLO-SAXON WORLDVIEW AND CHRISTIANITY
IN CYNEWULF'S "JULIANA"**

Yulia S. Grigoryeva

Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor, Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia, grigoreva.yus@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3462-5207>

Abstract. The article presents an analysis of the linguistic material of the Old English poem "Juliana" by Cynewulf. It aims at identifying the evolution of the Anglo-Saxon worldview fragment which is reflected in the poem. The text contains numerous lexical units denoting war, fight, weapon, warriors,

as well as the values of the heroic worldview (a blood feud, fighting for glory, distribution of treasure and gold by the king). At the same time the poem contains lexical units reflecting the Christian worldview. Particularly noteworthy are the compound names of God which can denote not only Christian ideas, but represent a fusion of both Anglo-Saxon heroic and Christian ideas. Narrating the story about the Christian saint the author relies on the values typical for the Anglo-Saxon heroic worldview which means that the ideals and values of the previous era were gradually included in the new Christian context.

Key words: worldview, Anglo-Saxon heroic worldview, Christian worldview, Old English poetry.

For citation: Grigoryeva Yu.S. The Anglo-Saxon worldview and Christianity in Cynewulf's "Juliana" // Far Eastern Philological Journal. 2023. Т. 1, № 1. P. 69–77. (In Russ.)

Древнеанглийские поэтические памятники были и остаются предметом внимания многих поколений исследователей. Подход к исследованию языка как феномену культуры позволяет подойти к проблеме реконструкции ментального универсума носителей английского языка эпохи раннего средневековья. Язык является средством, при помощи которого осуществляется концептуализация окружающей действительности, в свою очередь, в языке находят отражение знания человека о мире. Принято считать, что в основе каждого языка лежит картина мира: человек видит мир через призму своей культуры, в частности языка [4, с. 11; 6, с. 16], а окружающая действительность запечатлена в языках по-разному, поскольку язык отображает исторический опыт каждого народа по освоению окружающего мира [5, с. 31–33].

Проблема реконструкции архаических картин мира продолжает привлекать внимание учёных, несмотря на сложности, которыми сопровождаются подобные исследования. Изучить и реконструировать древние картины мира возможно только через языковые данные. По справедливому утверждению А.Я. Гуревича, в текстах запечатлено человеческое сознание, и это первое, с чем встречается исследователь, изучая письменные памятники ушедших эпох [3, с. 8]. Иными словами, языковые данные древних текстов позволяют получить доступ к сознанию людей, живших в эпоху создания этих памятников, и это дает возможность реконструировать картину мира, характерную для исследуемого периода времени.

Настоящая статья посвящена анализу языкового материала древнеанглийской поэмы «Юлиана». Цель исследования заключается в выявлении эволюции содержания фрагмента англосаксонской картины мира, находящего отражение в лексических единицах поэмы. Анализ текста данного письменного памятника позволяет выявить, каким образом новые христианские ценности становились частью духовной жизни англосаксонского общества. Реализации поставленной цели способствует решение следующих задач:

- выявление ценностей, характерных для англосаксонской героической и христианской картин мира;
- отбор лексических единиц, репрезентирующих концепты – структурные элементы указанных картин мира;
- исследование семантики отобранных лексем;
- исследование сочетаемости отобранных лексем.

Для решения поставленных задач используются метод анализа словарных дефиниций, контекстуальный, этимологический и концептуальный анализ. Метод анализа словарных дефиниций необходим для установления значения слова и используется на первом этапе

исследования. Контекстуальный анализ предполагает внимание к исследованию лексико-синтаксической сочетаемости слова, синонимам и антонимам и позволяет уточнить значение исследуемых лексических единиц. Помимо лексико-синтаксической сочетаемости принимается во внимание контекст отдельного эпизода, контекст на уровне всего произведения и экстралингвистический историко-культурный контекст, привлечение которого необходимо, чтобы свести к минимуму ошибки в толковании. С этой же целью в работе используется этимологический анализ, который позволяет более подробно значения исследуемых слов. За основу концептуального анализа принимается методика буквального прочтения именной и глагольной сочетаемости лексем, которые вербализуют структурные элементы исследуемой концептуальной картины мира – концепты [15, с. 295].

Одним из характерных свойств картины мира является её динамичность. Картина мира подвержена изменениям и может меняться у человека в течение всей его жизни [8, с. 58], а поскольку человеческое общество также постоянно меняется и развивается, то и люди воспринимают и осознают окружающую действительность в разные эпохи по-разному.

Так, например, восприятие мира древним человеком значительно отличалось от современного восприятия окружающей действительности, поскольку на древнюю картину мира, помимо личного восприятия, оказывали влияние такие аспекты, как космический, географический и религиозно-мифологический. Необходимо знать и принимать во внимание способы мировосприятия, императивы, ценности и идеалы эпохи, к которой относится исследуемый текст, иначе его содержание невозможно понять и правильно интерпретировать.

Из сказанного следует, что для современного человека исследование картин мира ушедших эпох представляет достаточно сложную задачу в силу различий в восприятии мира. Кроме того, особая сложность в исследовании древних текстов заключается в том, что значения слов древнего языка могут значительно расходиться со значениями соответствующих слов современного языка, и расхождений может быть тем больше, чем такое несовпадение труднее заметить [10, с. 8]. В семантике древнего слова находят отражение отголоски более древнего мифологического сознания [1, с. 70], категории языческой ментальности, нравы, обычаи, верования и способы мышления первобытных людей. Совершенно справедливым представляется утверждение Н.В. Феоктистовой и А. А. Лемберской: в слове отражается «мир понятий, идей, ценностей, характерный для носителей языка определенной эпохи» [13, с. 78]. Слово, таким образом, служит не просто названием предмета или явления, это воплощение целого мира.

Мифологическое мышление, в рамках которого формировалась древняя картина мира, и следы которого обнаруживаются в семантике не только слов древних, но и современных языков, обладает рядом специфических свойств. Для такого мышления свойственно отождествление части и целого, субъекта и объекта [7, с. 20], отождествление не только однородных, но часто и противоположных явлений, отождествление вещи и ее свойства, вещи и процесса [6, с. 17], симбиоз прошедшего с настоящим [6, с. 18], условность или отсутствие причинно-следственной связи [14, с. 24]. Необычным для современного человека является и отождествление слова и предмета, называемого данным словом [6, с. 18–19; 11, с. 6]. Важным свойством мифологического мышления является анимизм – отождествление живого и неживого, свидетельствующее о том, что мифологическое сознание не выделяло человека из окружающей и природной среды [6, с. 15]. Картина мира древнего человека строилась на совершенно иных основаниях, нежели картина мира современного человека. То, что современное сознание считает фантастичностью, было реальностью для субъекта, обладающего мифологическим

сознанием, а синкретичность мифа представляется сегодня расплывчатостью и непоследовательностью [12, с. 17]. При этом не стоит считать, что мифологическое мышление является достоянием исключительно прошлого, элементы такого типа мышления сохраняются у человека и в настоящее время.

Исследователю древнеанглийских памятников необходимо учитывать перечисленные выше особенности мифологического мышления, поскольку древнеанглийские тексты, написанные в эпоху раннего средневековья, не могут не отражать специфики сознания, свойственного архаичному человеку. В силу того, что обращение к интуиции носителей древнего языка невозможно, представляется особенно важным учитывать историко-культурный контекст эпохи.

Древнеанглийские поэтические памятники известны по рукописям, которые датируются концом X века и представлены в четырех рукописных кодексах: Эксетерская книга, Верчельская книга, кодекс Юниуса и кодекс «Беовульфа» [9, 171]. К сожалению, лишь некоторые из них возможно датировать, поскольку они связаны с определенными авторами, например, «Гимн Кэдмона» (около 680 г.) или «Предсмертная песнь Беды» (735 г.). Датированы также памятники героического эпоса «Битва при Брунанбурге» (937 г.) и «Битва при Мэлдоне» (991 г.), так как они посвящены конкретным историческим событиям [9, с. 178]. Таким образом, можно сказать, что дошедшие до нас древнеанглийские поэтические памятники были созданы или получили письменную фиксацию в период с конца VII в. до конца X в. При этом значительная часть древнеанглийской поэзии посвящена событиям глубокого прошлого, будь то героическое прошлое или прошлое христианской истории.

В жанровом отношении древнеанглийские поэтические памятники традиционно принято разделять на героические и христианские. Древнеанглийская героическая поэзия восходит к традициям древнегерманского эпоса и содержит темы и мотивы, характерные для германских племен, и отражает англосаксонскую героическую картину мира, где воплощаются представления о мире, ценности и верования древних германцев [16, с. 89–90]. Движущей силой англосаксонской героической картины мира является воинственность, цель воина – стяжать богатство и славу.

Благодаря распространению христианства в Британии на смену героической картине мира пришла христианская. Изменения культурно-исторических условий неизменно приводят к изменениям в духовной культуре общества, когда прежние ценности и идеалы исчезают, на смену им постепенно приходят новые, соответствующие эпохе. Так и языческие героические представления уступили место новым императивам, сформировавшимся под влиянием христианских ценностей. То, что считалось важным в героическую эпоху, в рамках христианской картины мира постепенно утрачивает смысл. В центре христианской картины мира находится Бог, а не воинственность и война. Бесстрашие и мужество воинов-варваров трансформируется в бесстрашие и стойкость приверженцев Христа.

В древнеанглийской поэме «Юлиана» повествуется о святой мученице Юлиане (в православной традиции Иулиании) Никомидийской. Это один из немногих памятников древнеанглийского периода, чей автор известен: подпись «Кюневульф» выполнена руническим алфавитом и вплетена в последние строки поэмы. Кроме того, подпись Кюневульфа обнаруживается также в поэмах «Елена», «Христос» и «Судьбы апостолов». О жизни Кюневульфа почти ничего не известно, предположительно он жил в IX веке и был монахом. Несмотря на то, что «Юлиана» является повествованием о христианской мученице, в поэме переплетаются элементы как героической, так и христианской картин мира.

В центре англосаксонских эпических повествований находятся многочисленные сражения и битвы. Об интересе к теме войны свидетельствует многочисленная лексика, обозначающая непосредственно войну или что-либо, связанное с войной. Так, например, насчитывается 38 лексических единиц, обозначающих войну или битву, 74 лексемы для обозначения воина, 20 лексем для обозначения конунга, 30 лексем, обозначающих разные виды оружия и доспехов [2, с. 49–117]. Таким образом, тот факт, что военные столкновения являются основным мотивом, присущим героической поэзии, подтверждается данными языка.

В «Юлиане» возникает конфликт между героиней и ее женихом Элевсием, которого всячески поддерживает отец девушки. Отказывая жениху и отказываясь от веры в языческих богов, Юлиана наносит ему оскорбление, которое он не может оставить неотмщенным. При этом показательно, что Элевсий называет этот конфликт словом *битва*, *схватка*: *Læt þa sace restan / lað leodgewin // оставим эту битву, / враждебную схватку* [16, 200–201]². Еще более показательно, что Элевсий предупреждает, что если Юлиана не откажется от своих убеждений, он будет вынужден отомстить ей за тяжкий грех перед богами, за тяжкую вину, за оскорбление: *ic nyde sceal niþa gebæded / on þære grimmetan goldsculd wrecan // я должен буду, враждой вынужденный, за жесточайшую вину перед богами отомстить* [16, 203–294]. Неслучайно в данном эпизоде употреблена лексема *niþ* *кровавая вражда, жестокость, война*, которая связана с родовой мстью. В «Беовульфе» слово *niþ* употребляется в качестве семантического повтора к лексеме *fyrene* *грех, преступление*, кроме того, используется в контекстах, где описывается родовая распря, и используется для описания враждебных действий, порождающих распрю [2, с. 65]. Законы германского общества требовали обязательной мести за убийство члена рода или иные враждебные действия, что влекло за собой ответную мсть, и таким образом, две враждующие семьи оказывались втянутыми в длительный конфликт, из которого затруднительно было выйти.

Элевсий приказывает заточить девушку в темницу, таким образом, он приводит в исполнение свою угрозу и мстит ей. По героическим канонам, кто-то из рода Юлианы должен отомстить за неё Элевсию, но отец девушки целиком на стороне её жениха. В заточении Юлиане неожиданно является бес, приняв обличие ангела. Тем не менее, святая распознает в нём беса, она сражается с ним и выходит победительницей. Ей удается схватить врага и заставить его поведать о том, как он творит злодеяния. Бес рассказывает, как ему удалось отправить на смерть Иисуса Христа, как он убедил отсечь голову Иоанну Предтече, как по его наущению были казнены апостолы Петр и Павел. Рассказал бес и о том, как ему удается улавливать души людей и заставлять их совершать преступления и грехи. Бес явился для того, чтобы убедить святую деву отречься от Христа и согласиться на условия жениха. Юлиане же удаётся изобличить беса с помощью Божьей, таким образом, средневековый слушатель мог сделать вывод о том, что конфликт между Юлианой и Элевсием и законы родовой мести распространяются не на их кровных родственников, как это было бы в героическую эпоху, а на тех, кто родственен им по духу. Юлиана относится к семье тех, кто верует в Бога, а Элевсий находится на противоположной стороне, которую возглавляет Сатана, и распря эта завязывается между этими двумя сторонами. Таким образом, речь здесь уже идет не о частном конфликте между героиней поэмы и ее женихом, речь идет о вражде между человечеством и Сатаной, а с ней связан мотив кровной мести, что также описывается термином *niþ* *кровавая вражда, распря*.

² Здесь и далее приводится дословный перевод, выполненный автором статьи.

Анализ показывает, что несмотря на христианский сюжет поэмы, ее текст изобилует лексемами, характерными для героической картины мира: наименования битвы (*þræse*, *gewynn*, *saca*), оружия (*gar* *копье*, *bord* *щит*, *scyld* *щит*, *sweord* *меч*), воинов (*þegnas*, *hæled*, *beorn*, *wer*, *æþeling*, *hildeþremman*, *hererinc*, *сепра*, *eorl*, *guma*), дружины (*folc*, *duguð*, *weorud*), конунга (*cyning*, *dryhten*, *þeoden*). Более того, в тексте поэмы нередки упоминания героических ценностей: сражение ради славы (*lof* *слава*), раздача конунгом сокровищ на пиру (*gold* *золото*, *goldspedig* *гума богатый золотом воин*, *hordgestreon* *богатство, сокровища*).

В основе поэмы лежит противостояние между Иисусом Христом и Сатаной. Христос стоит во главе своего войска, которое автор называет *gesorenan Cristes þegnas* *избранные воины (слуги) Христа*, *metodes сепра воины Создателя*, Сатана же возглавляет армию бесов. Очевидно, что христианство воспринимается англосаксами через призму привычной героической парадигмы, подтверждением чему служит также и тот факт, что для обозначения Бога выбираются лексеммы, которые прежде употреблялись в значении *конунг*: *cyning*, *dryhten*, *þeoden*. Помимо простых лексем существует множество сложных лексем-обозначений христианского Бога, в которых отражены представления о Нем. Можно заметить, что часть подобных наименований воплощают те представления, которые характерны для героической картины мира: *wuldres þrym* *Доблесть славы*, *beorna hleo* *Покровитель воинов*, *cyninga wuldor* *Слава конунгов*, *wuldorcýning* *Конунг славы*, *ealra cyninga cyning* *всех конунгов Конунг*, *sigora frean* *Владыка победы*, *þrymmes ealdor* *Владыка славы*, *dryhtna dryhtne* *конунгов Конунг*.

Значительная часть двусоставных наименований Бога содержит христианские представления: *gæsta scyppend* *Творец душ*, *meotud moncynnes* *Создатель человечества*, *rodera waldend* *Владыка небес*, *heofonrices god* *Бог Царства небесного*, *nergend fira* *Спаситель людей*, *fæder engla* *Отец ангелов*, *haligra hyht* *Радость святых*, *heofonengla god* *Бог ангелов небесных*, *frofre gæst* *Дух утешения*, *dæda demend* *Судия поступков*, *se deora sunu* *дорогой Сын*, *seo þrynis* *эта Троица*, *heahmægen* *высшая Сила*, *weoruda god* *Бог людей*, *wisdomes gæst* *Дух мудрости*, *ece ælmihtig* *Вечный Всемогущий*, *bearn godes* *Сын Божий*, *brego engla* *Господь ангелов*.

Некоторые двусоставные лексеммы могут быть рассмотрены и с точки зрения героических, и христианских ценностей: *sigora sellend* *Посылающий победу*, *heofona helm* *Шлем небес*, *meahta waldend* *Владыка силы*, *þrymsittend* *Сидящий во славе*. Хороший конунг был обязан стяжать славу и стремиться к военным победам, таким, видимо, в представлении англосаксов был и Христос.

Заслуживают отдельного внимания такие наименования, как *ece eadgiefre* *вечный Даритель блаженства*, *wigena wun* *Радость воинов*, *æþelinga wun* *Радость воинов*. Подобно конунгу земному, раздающему на пиру сокровища в награду за ратные подвиги, верную службу и преданность, Конунг Небесный дарит вечное блаженство в раю. Примечательно, что святая дева называет беса *wærleas wunne* *лишенный радости*: согласившись служить Сатане, бес не сможет разделить радость с верными воинами Христа, он оказывается отлученным от вечного пира, куда будут допущены лишь те, кто остался верен Христу. Отметим, что в поэме есть и прямое упоминание об обязанности конунга раздавать сокровища, это эпизод, где говорится о гибели Элевсия и его свиты, потерпевших кораблекрушение: *Ne þorftan þa þegnas... / to þam frumgare feohgestealda / witedra wenan, þæt hy in winsele / ofer beorsetle beagas þegon, / æpplede gold // не стоило тем воинам... от того владыки / сокровищ ожидать, подобно тому, как они в винном зале, / на медовой скамье кольца получали, / золота слитки* [4, 683–688]. Более того, их ожидает горестная участь: они попадут в дом тьмы, в пропасть, то есть, во власть Сатаны, которому они служили и при жизни, отвергнув Христа.

Христу противостоит Сатана, в поэме для его обозначения используется лексема *se aglæsa чудовище*, а также множество составных наименований: *wuldres wiferbreca противник славы*, *hæleþa gewinnan враг воинов*, *wrohtes wyrhtan творец зла*, *fyrnsynna fruman первый в древнем грехе*, *sawla feond враг души*, *wræssa wærleas изгнанник без веры*, *synna fruman первый в грехе*, *þeoden of þystrum владыка тьмы*, *feond moncynnes враг человечества*, *hellwarena cyning царь ада*, *wærloga предатель*, *helle gæst дух ада*, *morþres manfrea владыка смерти*, *sawla gewinna враг души*. И обиталище его названо домом тьмы (*þystran ham*), в отличие от Божьего Царства, наполненного светом.

Таким образом, очевидно, что в поэме присутствует весьма отчетливое противопоставление войска Христа и приспешников Сатаны. Воины Христа – это те, кто исповедует христианскую веру, на стороне Сатаны оказываются язычники. Противостояние двух сторон при этом может принимать характер реального, физического противодействия, когда христиане подвергаются жестоким пыткам и казням. Так, например, святой деве угрожают пытками (*hildewoman ужас войны, угрозы пыток*), а бес рассказывает ей о том, сколько христиан погибло от рук язычников: *hi in winsele / þurh sweordgripe sawle forletan / of flæschoman //* они в хмельном зале через мечевую схватку души выпускали из тел [4, 487–488].

Помимо этого, противоборство двух сторон может проявляться в виде духовной брани: *gif ic... ellenrofne / gemete... metodes cempa... nele feor þonan / bugan from beaduwe, ac he bord ongean / hefeð hygesnottor, haligne scyld/ gæstlic gudreaf //* если я... доблестного / встречаю ... воина Создателя, / который не захочет / уклониться от боя, но снова щит / поднимает, мудрый духом, щит святого, / духом закаленное оружие битвы [4, 382–387]. В приведенном эпизоде речь идет о том, как бес жалуется святой деве, что не может сладить со стойкими и сильными духом и рассказывает, как пытается склонить человека ко греху, внушая греховные помыслы. Постепенно он подменяет мысли человека на греховные, так, что последний начинает склоняться к преступлению и греховным поступкам, которые становятся для него более привлекательными, чем хранить преданность Богу.

В поэме отчетливо прослеживается противопоставление языческого и христианского. Языческие боги противопоставлены Богу христианскому: они названы идолами, поклонение им равно поклонению дьяволу (*deofolgielð*). Истинного Бога святая дева называет следующим образом: *wuldres agend, sigora gehwylces. þæt is soð cyning //* мира Властитель, победы всей. Это *истинный Царь* [4, 223–224]. Следует отметить, что формульное высказывание *þæt is soð cyning* это *истинный конунг* было характерно для героической поэзии и следовало после перечисления заслуг и подвигов того, кто возглавлял войско.

Язычники в поэме предстают жестокими и свирепыми людьми, которые больны грехами (*synnum seose*). Элевсия охватывает мстительный гнев (*niðwræse*), и он приказывает сечь святую плетьюми. Отец Юлианы описывается, как свирепый духом (*fresne mode*), ему противопоставлена сильная духом Юлиана, чья сила исходит от веры во Христа. Это стойкость и сила иного характера, нежели та храбрость, которая достигалась ритуальным превращением в зверя (ср. лексему *beorn*, этимологически связанную с именем медведя и лексемой *berskegt воин-берсерк*), или сила, которая происходила от воинственности характера. Сила святой мученицы – это прежде всего стойкость принципов и убеждений, готовность исповедовать Христа: *Wæs seo wuldres mæg /anræd ond unforht, eafoda gemyndig, / dryhtnes willan //* Была эта дева славы, решительная и непреклонная, помнящая о силе, о воле Господа [4, 600–603].

Таким образом, жестокие и духовно слепые язычники (*hreoþ ond hygeblind*) противопоставлены святой деве, называемой *gleaw ond gode leof мудрая и Богом любимая*, *seo wlitescyne*

wuldres condel *эта прекрасная свеча славы*, eadig *благословенная*, æfele mod *благородная духом*. Святая Юлиана кротка и смиренна: milde modsefan, mægen unbrice // *в кротком духе сила нерушимая*, ее смирение и кротость образуют резкий контраст с жестокостью и яростью ее мучителей, граничащей с помутнением рассудка. Впрочем, те, кто служит дьяволу, и не могут быть другими, ведь их хозяин жесток (se hearda *жестокий*, egesful ealdor *ужасающий владыка*) и требует, чтобы его слуги творили зло.

Несмотря на то, что Элевсий и его воины угрожают Юлиане страшными мучениями, святая не ведает страха, твердо веря в то, что Господь ее защитит: þæt he mundbora min geweorþe, /helfend ond hælend wið hellsceaþum // *что Он защитником моим станет, помощником и спасителем в борьбе с дьяволом* [4, 156–157]. И действительно, огонь не тронул святую: sio halge stod / ungewemde wlite *эта святая стояла, неповрежденная красота* [4, 589–590]. Пришпешники Сатаны же не находят помощи у своего покровителя: He ne findeð þær /duguþe mid deoflum *Он не найдет помощи у дьявола* [4, 220–221].

Таким образом, исследование текста древнеанглийской поэмы «Юлиана» показывает, что героические мотивы данного произведения тесно переплетаются с христианскими. В поэме широко используется лексика, характерная для героической картины мира англосаксов раннего средневековья, а христианские мотивы вводятся через традиционные ценности и идеалы. Традиционные мотивы героического эпоса сближаются с христианскими и даже сливаются с ними. Таким образом, героическое содержание древних традиций англосаксов не только сохраняется в христианской картине мира, но и возвышается. Представляется, что дальнейшее исследование поэтических памятников, созданных Кюневульфом, в частности поэмы «Елена», позволит получить более объемные сведения о динамических процессах в мировоззрении англосаксов эпохи раннего средневековья.

Список литературы

1. Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. 312 с.
2. Григорьева Ю.С. Когнитивный аспект исследования древней картины мира (на материале концептосферы ВОИНСТВЕННОСТЬ англосаксонской героической картины мира). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. 187 с.
3. Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство, 1990. 396 с.
4. Касевич В.Б. Язык и знание // Язык и структура знания / отв. ред. Р.М. Фрумкина. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1990. С. 8–25.
5. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. М.: Наука, 1999. 108 с.
6. Маковский М.М. Образ мира и миры образов // Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. С. 13–30.
7. Подосинов А.В. Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М.: Языки русской культуры, 1999. 720 с.
8. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 8–69.

9. *Смирницкая О.А.* Поэтическое искусство англосаксов // Древнеанглийская поэзия. М.: Наука, 1982. С. 171–232.
10. *Стеблин-Каменский М.И.* Мир саги. Л.: Наука, 1971. 140 с.
11. *Топорова Т.В.* Язык в зеркале культуры: древнегерманские двучленные имена собственные. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 253 с.
12. *Феоктистова Н.В.* Формирование семантической структуры отвлеченного имени (на материале древнеанглийского языка). Л.: Изд-во ЛГУ, 1984б. 188 с.
13. *Феоктистова Н. В., Лемберская А. А.* К вопросу о системности в лексике (на материале древнеанглийских слов со значением «помощь», «защита») // Системное описание лексики германских языков. Межв. сб. Вып. 4. Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. С. 78–85.
14. *Фрейденберг О. М.* Миф и литература древности. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1998. 800 с.
15. *Чернейко Л.О.* Лингвофилософский анализ абстрактного имени. М., 1997. 320 с.
16. *Чурьин О.Г.* Temporum opinio в древнем языке и сознании // Вопросы языкознания. 1999. № 5. С. 87–101.
17. *Juliana* [Электронный ресурс]: The Complete Corpus of Anglo-Saxon Poetry. URL: https://www.sacred-texts.com/neu/ascp/a03_05.htm,

Статья поступила в редакцию 03.10.2022; одобрена после рецензирования 03.11.2022; принята к публикации 11.01.2023.

The article was submitted 12.12.2022; approved after reviewing 13.12.2022; accepted for publication 11.01.2023.